АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ ВОСТОКА

XXII ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР
(доклады и сообщения)
1988
Часть II

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1989

А.В.Вовин

ДРЕВНЕКОРЕЙСКИЙ ТЕКСТ В "МАНЬЁСЮ"

В древнеяпонской поэтической антологии "Манъёсю" ("Десять тысяч лепестков /слов/") (сер. УШ в.) содержится немало темных мест, с трудом поддающихся прочтению и истолкованию. В частности, таким темным местом являются первые две строки из стихотворения, помещенного под № 9 в первом свитке "Маньёсю" (стихотворение принадлежит поэтессе второй половины УП в. принцессе Нуката).[1]

Определенные проблемы возникают и при прочтении остальных трех строк этого стихотворения, но в данной статье мы ограничимся разбором первых двух строк, поскольку их толкование наиболее спорно. Вот эти строки (в соответствии с оригиналом мы записываем их подряд):

莫囂圓隣之大相七兄爪湯氣

Существует более десяти вариантов прочтения этого текста, предложенных японскими учеными. Все эти расшифровки сильно отличаются друг от друга, причем надо отметить, что ни одна из них не согласуется с самым старым из известных комментариев на это стихотворение, принадлежащих Сэнгаку (XIII в.). Сэнгаку комментирует смысл этих строк следующим образом: ゲんの伊きて関みと /юфу-туки-но афогитэ тофиси/ "посмотрев вверх на вечернюю луну, /я/ спросила".[2]

Очевидно, что этот текст нельзя прочесть по-японски в соответствии с комментарием Сэнгаку. Этим обстоятельством, повидимому, и вызвано то, что японские ученые предлагают варианты расшифровки, несогласованные семантически с комментарием Сэнгаку.

Мы полагаем, что нет достаточных оснований отвергать комментарий Сэнгаку по двум причинам: во-первых, этот комментарий является самым старым, и не исключено, что Сэнгаку следовал какой-то традиции, которая впоследствии была забыта; во-вторых, отказ от жестких семантических рамок, которые накладывает данный комментарий, создает благоприятную почву для произвольных толкований.

Мы попытались расшифровать данный текст, исходя из комментария Сэнгаку. Однако, если следовать этому комментарию, то приходится отказаться от того, чтобы прочесть этот текст по-японски. Достаточно ясно также, что текст написан не на китайском языке. Следовательно, мы имеем дело с каким-то неизвестным языком.[3] Тогда проблема расшифровки этих строк сводится к проблеме определения того языка, на котором они написаны. Поскольку нам известны

содержание текста и письменность, на которой он создан, решение этой задачи, на первый взгляд, не представляет особой сложности. Однако одно обстоятельство существенно затрудняет дело – в странах дальневосточного культурного ареала, в которых китайская иероглифическая письменность была приспособлена для записи того или иного национального языка, иероглифические знаки могли использоваться как идеографически, так и фонетически. Кроме того, фонетически могло использоваться даже не собственно китайское чтение данного иероглифа, а то слово национального языка, которое являлось его переводом. Так, например, иероглиф 鳧 "дикая утка" в "Маньёсю" использовался для передачи двух стоящих рядом частиц ка и мо (яп. камо "дикая утка").

На первом этапе расшифровки мы постарались выделить из текста те знаки, которые могли оказаться идеограммами. Для этого мы разбили комментарий Сэнгаку на знаменательные слова (их оказалось четыре: "вечер", "луна", "смотреть вверх", "спросить") и сопоставили их со значениями иероглифов данного текста. Оказалось, что среди двенадцати иероглифов, составляющих текст, имеются два возможные идеограммы – знак 冥 , представляющий собой разнопись иероглифа 暮 "вечер" и знак 相 , имеющий одно из значений "смотреть", "наблюдать". Поскольку слово "луна" в таком случае должно оказаться между словом "вечер" и словом "смотреть", напрашивается вывод, что мы имеем дело с языком типа SOV а не SVO т.е. с языком алтайского, а не малайского типа, что существенно сужает круг поисков того языка, на котором мог быть создан данный текст.

Так как остальные знаки, по всей видимости, представляют собой фонограммы, на следующем этапе расшифровки мы обратились к их среднекитайским чтениям. В первую очередь наше внимание привлекло среднекитайское чтение тшиэ-дэ̀ двух иероглифов 之大 , которое нам показалось возможным отождествить со среднекорейским[4] глагольным префиксом 처다 /чхйэта-/, обозначающим направленность движения вверх. Следовательно, знаки 之大相 можно отождествить с основой корейского глагола чхйэтапо- "смотреть вверх". Таким образом, мы смогли сделать предварительное предположение, что язык данного текста – древнекорейский.

На третьем этапе расшифровки предстояло проверить, окажется ли возможным прочтение всего текста по-корейски в соответствии с комментарием Сэнгаку.

Поскольку среднекорейское слово нача "вечер" имеет в ауслауте /л/, которое восстанавливается в именительном и косвенных падежах, но исчезает в основном падеже, среднекитайское чтение

ниво иероглифа 奚 можно отождествить с этим конечным /х/ основы + окончание притяжательного падежа -ай или -ăй. Таким образом, два знака 奚 衾 расшифровываются как начохай – форма притяжательного падежа от слова начо "вечер".

В таком случае, слово "луна" должно быть записано двумя иероглифами 圓 隣 . "Луна" по-среднекорейски будет 돌 /тăл/; последний звук этого слова, очевидно, можно отождествить с инициалью /л-/среднекитайского чтения лиэн знака 隣 , но среднекитайское чтение иероглифа 圓 не имеет ничего общего со слогом /та-/. Однако знак 圓 имеет значение "круглый", а в древнекорейском языке слово "луна" и "круглый" были, очевидно, созвучны: тăл "луна" < *тол; тунъкы- "круглый" < *тын-кы- (ср. тол- "кружиться", "крутиться" < *тул-). Мы полагаем, что в данном случае было использовано фонетически корейское чтение данного иероглифа, и, следовательно знаки 圓 隣 можно расшифровать как тăр-ăн (слово тăл "луна" + тематическая частица -ăн).

Так как среднекорейский глагол мыт-/мыр- "спрашивать" созвучен среднекорейскому существительному мыл "вода", представляется возможным отождествить знак 湯 "теплая вода"[5] с этим глаголом. Следующий за иероглифом 湯 знак 氣 имеет среднекитайское чтение кʰиэй, что позволяет сопоставить его со среднекорейским показателем прошедшего времени 거 /кŏ/, который, как можно заметить, соответствует японскому показателю "времени воспоминания" си в комментарии Сэнгаку. Итак, иероглифы 湯 氣 следует читать мыткŏ "спросила".

Следовательно, три оставшихся иероглифа 七 兄 ㅅ должны представлять собой какие-то грамматические показатели глагола чхйŏтап "смотреть вверх". Последний иероглиф ㅅ (ср.-кит. тзяу) можно отождествить с деепричастием на -ча, имеющим значение "как только". Предпоследний иероглиф 兄 /хиуэн/, по-видимому, передает показатель прошедшего времени 거 /ко/. Наибольшую проблему, как ни странно, представляет интерпретация оставшегося иероглифа 七. Не совсем ясно, какой грамматический показатель может передавать этот знак. Учитывая, что в среднекорейском языке помимо глагола по- "смотреть" был еще и глагол пони- с тем же значением, мы предполагаем, что знаком 七 "семь" (среднекорейское нилгоп "семь") может быть передан слог -ни-.

Из всего сказанного следует, что данный текст может быть прочтен в соответствии с комментарием Сэнгаку только по-корейски. Ниже мы предлагаем полный вариант расшифровки текста. К сожалению из-за неразработанности в настоящее время древнекорейской фонетики мы не можем предложить точную фонетическую расшифровку текста и вынуждены довольствоваться гипотетической реконструкцией (I). Кроме данной реконструкции мы приводим также перевод на среднекорейский язык (2), который как бы является проекцией данного древнекорейского текста на среднекорейское языковое состояние:

	奚 衾	圓 隣	之大相七兄ㅅ	湯 氣
(I)	начухай	торэн	чхйэтапониквча	марко
(2)	나조히	도ᄃᆞᆫ	처다보니어자	ᄆᆞᆯ거
	/начохай	тăрăн	чхйŏтапониньŏча	мытко/
	вечером	луну	посмотрев вверх	спросила

---

1. 日本古典文学大系三巻 (Серия японской классической литературы, т. 3, с. I5). Токио, I95 . Далее: Серия...
2. Серия... с. I5, примечание № 9.
3. Такая возможность не исключена в силу того, что в древней Японии было несколько иноязычных анклавов, которые впоследствии были постепенно ассимилированы.
4. Древнекорейский язык засвидетельствован ограниченным количеством текстов. До сих пор не осуществлена точная фонетическая реконструкция древнекорейских текстов, что затрудняет обращение к данным древнекорейского языка, поэтому наиболее надежным источником по старокорейскому языку являются материалы среднекорейского языка XУ в.
5. В Со ок ихăн (서옥해) данный иероглиф переводится как 끓은 물 "кипяченая вода", "подогретая вода".

Л.В.Жданова

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ ЛИ ГЮБО (II68-I24I) В СВЯЗИ С МИФОЛОГИЧЕСКИМИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯМИ

Два стихотворения, о которых пойдет речь в настоящем сообщении, привлекли наше внимание общностью темы, вынесенной в заглавие. Первое стихотворение называется "Вечером седьмого числа воспевая дождь", второе – "Дождь вечером седьмого числа". Вечер седьмого числа (кит. ц и с и, кор. ч х и л ь с о к) подразумевал осенний праздник на Дальнем Востоке, отмечаемый в седьмую луну, подобно таким праздникам двойных чисел, как третий день третьей луны, пятый день пятой луны, девятый день девятой луны, и был тесно связан с популярным в Китае, Корее и Японии мифом о Пастухе и Ткачихе.[1]